

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

На правах рукописи

Поляков Святослав Игоревич

*Интерпретации маскулинности в мужских молодежных
сообществах Махачкалы*

РЕЗЮМЕ ДИССЕРТАЦИИ

на соискание ученой степени кандидата социологических наук

Научный руководитель:
доктор социологических наук
Омельченко Е.Л.

Москва — 2022

1. Постановка исследовательской проблемы

Актуальность исследования обусловлена ее включением в дебат о том, как изменяется мужская субъектность в условиях глубоких структурных и культурных трансформаций нашего времени. В академической литературе отмечается, что масштабные изменения в экономике и обществе, с одной стороны, и прогресс социальных движений, выступающих за эмансипацию групп, дискриминируемых на основании гендерной и сексуальной идентичности, с другой подрывают структурные и культурные основания гегемонной маскулинности самых массовых мужских групп, создавая предпосылки для пересмотра традиционных мужских ролей и возникновения новых образцов и форм мужской идентичности.¹²

Вместе с тем, исследователи³⁴ отмечают переко́с в производстве академического знания о маскулинности, которое как в концептуальном отношении, так и с точки зрения эмпирического фокуса, несет на себе сильный отпечаток привилегированного взгляда глобальной «метрополии». В этих условиях важнейшей задачей становится исследование того, как конструируются маскулинности в периферийных странах и регионах, на основании теорий, концептов и данных, адекватно отражающих региональную и страновую специфику.

Во-первых, Дагестан представляет собой пример трансформирующегося периферийного социума со сложной этнической и религиозной композицией. Во-первых, в последние десятилетия в республике происходит активный переход от традиционного общества к более современным формам социальной организации, движущими силами которого выступают урбанизация и развитие рыночных отношений в постсоветский период.

Во-вторых, относительно недавно республика пережила стремительную реисламизацию, в ходе которой резко возросла роль ислама как в частной жизни, так и в общественно-политической сфере. Религия стала идеологическим фундаментом для т.н. «консервативного поворота», который привел к формированию широкого общественного

¹ Kimmel, M. S. The contemporary “crisis” of masculinity in historical perspective // *The making of masculinities*. — Routledge, 2018. — P. 121-153.

² Anderson, E. *Inclusive masculinity: The changing nature of masculinities*. — Routledge, 2012

³ Archer L. ‘Muslim brothers, black lads, traditional Asians’: British Muslim young men’s constructions of race, religion and masculinity // *Feminism & Psychology*. — 2001. — Vol. 11. — No 1. — P. 79-105.

⁴ Messerschmidt J. W. Engendering gendered knowledge: Assessing the academic appropriation of hegemonic masculinity // *Men and Masculinities*. — 2012. — Vol. 15. — No. 1. — P. 56-76.

консенсуса относительно гендерной сегрегации и доминирования мужчин над женщинами.⁵

В-третьих, Северный Кавказ является регионом с большим потенциалом конфликтности и насилия, что обусловлено сложной социально-экономической ситуацией, наличием множества неразрешенных территориальных, религиозных, этнонациональных и межклановых противоречий, динамикой тлеющих вооруженных конфликтов, широкой распространенностью идей религиозного радикализма, непрозрачностью политического управления, которая усугубляется высокой коррумпированностью региональных органов государственной власти и квазиколониальным характером отношений с федеральным центром.

Указанные процессы обнажают внутреннюю нестабильность гендерного порядка, подталкивая социальных акторов к критической ревизии мужских ролей и культурных сценариев маскулинности. Фокус на молодежной маскулинности позволяет еще больше радикализовать исследовательскую оптику, так как социальное значение молодости связано с ожиданиями относительно активного «делания гендера» через освоение соответствующих практик и образцов мужественности, а также утверждения и отстаивания собственного варианта мужской идентичности в условиях проблематичности других маркеров социального статуса.

2. Степень разработанности проблемы

Существующие разработки в исследуемой области можно разбить на следующие группы:

Во-первых, это исследования отечественного опыта трансформации мужских идентичностей, обусловленного реконfigurацией социальных, политических экономических и гендерных оснований советского строя. В рамках этого направления исследователи, с одной стороны, фокусируют внимание на пространстве дискурсивного и символического производства, изучая возникновение и функционирование конструктов и символических репрезентаций маскулинности в поздне- и постсоветском гендерном порядке,⁶⁷⁸⁹¹⁰ с другой, стремятся выявить стратегии гендерного

⁵ Стародубровская И. В. Кризис традиционной северокавказской семьи в постсоветский период и его социальные последствия //Журнал исследований социальной политики. – 2019. — Т. 17. — №. 1. — С. 39-56.

⁶ Кон И. С. Маскулинность в меняющемся мире //Вопросы философии. — 2010. — №. 5. — С. 25-35.

⁷ Рябов О. В. «Мистер Джон Ланкастер Пек»: американская маскулинность в советском кинематографе холодной войны (1946—1963) //Женщина в российском обществе. — 2012. — №. 4. — С. 44-57.

⁸ Здравомыслова Е., Темкина А. Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе //О муже (N) ственности. Сб. статей/Сост. С. Ушакин. М.: Новое литературное обозрение. 2002. — С. 432-451.

поведения и самопозиционирования, которые вырабатывают различные группы мужчин, в ответ на меняющиеся условия рынка труда¹¹¹² диверсификацию культурных моделей и сценариев брака, семьи, родительства и сексуальной жизни.¹³¹⁴¹⁵¹⁶

Во-вторых, это исследования молодежных маскулинностей. Молодые мужчины часто оказывают в центре дебата о маскулинности постольку, поскольку молодежь (и подростки) традиционно рассматривается как главный индикатор социальных изменений и одновременно главный объект моральных паник, связанных с гендером, сексуальностью и телесностью. Ключевыми для этого направления являются такие исследовательские сюжеты, как мужская социализация в рамках образовательных институтов¹⁷¹⁸¹⁹, связь маскулинности с классом,²⁰²¹²²²³ этничностью и расой,²⁴²⁵²⁶ популярной культурой и медиа²⁷. Особо стоит отметить этнографические исследования, вскрывающие связь

⁹ Мещеркина Е. Бытие мужского сознания: Опыт реконструкции маскулинной идентичности среднего и рабочего класса // О муже(Н)ственности / Под ред. С. Ушакина. — М.: Новое литературное обозрение, 2002. — С. 268–287.

¹⁰ Чернова Ж. Модель «советского» отцовства: дискурсивные предписания // Российский гендерный порядок: социологический подход : коллект. монография / под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. — СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2007. — С. 138—168

¹¹ Ваньке А. В., Тартаковская И. Н. Трансформации маскулинности российских рабочих в контексте социальной мобильности // Мир России. Социология. Этнология. — 2016. — Т. 25. — №. 4. С. 136-153.

¹² Ashwin S., Lytkina T. Men in crisis in Russia: The role of domestic marginalization // Gender & Society. — 2004. — Vol. 18. — No. 2. — P. 189-206.

¹³ Кон И. С. Отцовство как компонент мужской идентичности // Демоскоп Weekly 2006. № 237/238. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0237/analit03.php> (дата обращения: 10.05.2022)

¹⁴ Кон И. С. Мальчик — отец мужчины. — М. : Время, 2010.

¹⁵ Рождественская Е. Ю. Вовлеченное отцовство, заботливая маскулинность // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. — 2020. — № 5. — С. 155-185.

¹⁶ Роткирх А. Мужской вопрос. Любовь и секс трех поколений в автобиографиях петербуржцев. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011.

¹⁷ Haywood C., Mac an Ghaill M. 'What's next for masculinity?' Reflexive directions for theory and research on masculinity and education // Gender and education. — 2012. — Vol 24. — No. 6. — P. 577-592.

¹⁸ Connolly P. The Masculine Habitus as 'Distributed Cognition': A Case Study of 5- to 6- Year- Old Boys in an English Inner- City, Multi- Ethnic Primary School // Children & Society. — 2006. — Vol. 20. — No. 2. — P. 140-152.

¹⁹ Gilbert R., Gilbert P. Masculinity goes to school. — Routledge, 2017.

²⁰ McDowell L. Redundant masculinities?: Employment change and white working class youth. — John Wiley & Sons, 2011.

²¹ Nayak A. Displaced masculinities: Chavs, youth and class in the post-industrial city // Sociology. — 2006. — Vol. 40. — No. 5. — P. 813-831.

²² Skeggs B. Formations of class & gender: Becoming respectable. — Sage, 1997.

²³ Roberts S. Boys will be boys... won't they? Change and continuities in contemporary young working-class masculinities // Sociology. — 2013. — Vol. 47. — No. 4. — P. 671-686.

²⁴ Archer L. 'Muslim brothers, black lads, traditional Asians': British Muslim young men's constructions of race, religion and masculinity // Feminism & Psychology. — 2001. — Vol. 11. — No. 1. — P. 79-105.

²⁵ O'Donnell M., Sharpe S. Uncertain masculinities: Youth, ethnicity and class in contemporary Britain. — Routledge, 2002.

²⁶ Alexander B. K. Passing, cultural performance, and individual agency: Performative reflections on Black masculine identity // Cultural Studies? Critical Methodologies. — 2004. — Vol. 4. — No. 3. — P. 377-404.

²⁷ Nayak A., Kehily M. J. Gender, youth and culture: Young masculinities and femininities. — Macmillan International Higher Education, 2013.

молодежных маскулинностей с локальными культурными практиками, стратегиями и жизненными планами российской молодежи.²⁸²⁹³⁰³¹³²

В-третьих, это традиция изучения маскулинности в рамках института спорта, в которой можно выделить две ведущие линии. Первый корпус работ посвящен анализу конструирования, телесного воплощения и символической репрезентации гегемонистских и доминантных форм мужской субъектности в институционализованных видах спорта.³³³⁴³⁵ Другие авторы³⁶³⁷³⁸ фокусируются на том, как в западных обществах меняются гендерные режимы современных спортивных культур, открывая путь оспаривания для артикуляции новых форм мужской идентичности, в меньшей степени связанных с идеологией традиционного патриархата, менее соревновательных, более инклюзивных по отношению к женщинам и другим группам мужчин.

В-четвертых, это работы, посвященные анализу маскулинности в периферийных мусульманских обществах, которые часто акцентируют внимание на проблематичных и «кризисных» формах мужской субъектности, возникающих в качестве реакции на доминирование и вмешательство Запада и наступление глобального неолиберального порядка, способствующего прекаризации и маргинализации значительной части мужского населения в мусульманских регионах.³⁹⁴⁰⁴¹

В-пятых, это работы, в которых раскрывается специфика гендерных отношений на Северном Кавказе и в Дагестане. Фокус таких исследований лежит в плоскости

²⁸ Глядя на Запад: Культурная глобализация и российские молодежные культуры / Х. Пилкингтон, Е. Омельченко, М. Флинн, У. Блюдина, Е. Старкова / Пер. С англ. О. Оберемко, У. Блюдиной. — СПб: Алетейя, 2004

²⁹ Pilkington, H. Gender, generation and identity in contemporary Russia. — Vol. 32. — London: Routledge, 1996.

³⁰ Костерина И.В. Жизненно-стилевые особенности практик маскулинности в молодежной среде: дис. ... канд. социол. н.:22.00.06. Саратов, 2011

³¹ Громов, Д.В. Конструирование маскулинности в уличной пацанской среде // Способы быть мужчиной. Трансформации маскулинности в XXI веке. — М.: Звенья, 2013. — С.169-183.

³² Исупова О. Г. Гендерная специфика жизненных планов молодежи Дальнего Востока России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2020. — № 5. — С. 602—628.

³³ Messner, M. Masculinities and athletic careers // Gender & society. — 1989. — Vol. 3. — No.1. — P. 71-88.

³⁴ Messner, M. A. When bodies are weapons: Masculinity and violence in sport // International review for the sociology of sport. — 1990. — Vol. 25. — No. 3. — P. 203-220.

³⁵ Sabo, D. Doing time, doing masculinity: Sports and prison // Prison masculinities / Ed. by D. Sabo, T.A. Kuper, W. London. — Temple University Press, 2001. — P. 61-66.

³⁶ Anderson, E. Inclusive masculinity: The changing nature of masculinities. — Routledge, 2010.

³⁷ Atkinson, M. Deconstructing men & masculinities. — Oxford University Press, 2011.

³⁸ Wheaton, B. “New lads”? Masculinities and the “new sport” participant // *Men and Masculinities*. — 2000. — Vol. 2. — No. 4. P. 434-456.

³⁹ Ghoussoub, M. Chewing gum, insatiable women and foreign enemies: Male fears and the Arab media // *Islamic masculinities/ Ed. by L. Ouzgane*. — London, New York, Zed books: 2006. — P. 227-235.

⁴⁰ Conway-Long, D. Gender, power, and social change in Morocco // *Islamic masculinities/ Ed. by L. Ouzgane*. — London, New York, Zed books: 2006. — P. 145-160.

⁴¹ Rizk, A.; Makarem, G. Masculinity-under-threat?: Sexual rights organizations and the masculinist state in Lebanon // *Civil Society Review*. — 2015. — No. 1. — P. 97-108.

трансформации гендерных режимов под влиянием модернизации⁴²⁴³⁴⁴⁴⁵ Для понимания контекста представляют также интерес работы, дающие представление о динамике социально-экономических и политических процессов⁴⁶⁴⁷⁴⁸ в республике Дагестан, раскрывающие значение религиозного и этнокультурного факторов в жизни дагестанцев,⁴⁹⁵⁰⁵¹ рассматривающие изменения института семьи и динамику межпоколенческих отношений⁵²⁵³, раскрывающие специфику функционирования института спорта в этой республике.⁵⁴⁵⁵

Однако, несмотря на интерес исследователей к гендерной проблематике Дагестана, вопрос конструирования маскулинности остается слабо отрефлексированным. Вместе с тем, прояснение этого вопроса не только вносит вклад в развитие гендерной теории, но и, как показывают аналогичные исследования, проведенные в других регионах, открывают путь к более глубокому пониманию региональных особенностей функционирования социальных и политических институтов, также проблем неравенства, насилия и политического радикализма. Данное диссертационное исследование призвано восполнить этот пробел.

3. Исследовательский вопрос:

⁴² Лыткина Т.С. Трансформация традиционной маскулинности на современном Северном Кавказе // Способы быть мужчиной: Трансформации маскулинности в XXI веке / Под ред. И.Н. Тартаковской. — М.: Звенья, 2013. — С. 235–249.

⁴³ Сиражуудинова С. В. Гендерная политика в республиках Северного Кавказа: современные тенденции //Женщина в российском обществе. — 2013. — Т. 66. — №. 1. — С. 14-19.

⁴⁴ Сиражуудинова С. В. Гендерные границы и перспективы гендерного диалога на Северном Кавказе //Женщина в российском обществе. 2015. Т. 74. №. 1. — С. 53-61.

⁴⁵ Лыткина Т.С. Трансформация традиционной маскулинности на современном Северном Кавказе // Способы быть мужчиной: Трансформации маскулинности в XXI веке / Под ред. И.Н. Тартаковской. М.: Звенья, 2013. — С. 235–249

⁴⁶ Ibragimov M. R., Matsuzato K. Contextualized violence: politics and terror in Dagestan //Nationalities Papers. — 2014. — Vol. 42. — No. 2. — P. 286-306.

⁴⁷ Стародубровская И.В., Зубаревич Н.В., Соколов Д.В., Интигринова Т.П., Миронова Н.И., Магомедов Х.Г. Северный Кавказ: модернизационный вызов. — М.: Дело, 2011.

⁴⁸ Сиражуудинова С. В. Современные социально-политические процессы и трансформации в Республике Дагестан //Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. — 2015. — №. 1. — С. 128-133.

⁴⁹ Ware R. B., Kisriev E. Ethnic parity and democratic pluralism in Dagestan: A consociational approach //Europe-Asia Studies. 2001. — Vol. 53. — No. 1. — P. 105-131.

⁵⁰ Бобровников В. Исламское возрождение" в Дагестане: 20 лет спустя // Центральная Азия и Кавказ. — 2007. — Т. 50. — № 1. — С. 161-172.

⁵¹ Ярлыкапов А. А. Современный Дагестан: актуальные этнополитические и этноконфессиональные проблемы //Социодинамика. — 2012. — №. 3. С. 130-153.

⁵² Стародубровская И.В., Казенин К.И. Северокавказские города: территория конфликтов // Общественные науки и современность. — 2014. — № 6. — С. 70–82

⁵³ Molodikova I., Watt A. Growing up in the North Caucasus: society, family, religion and education. — Routledge, 2014.

⁵⁴ Солоненко М.В. Борцы за власть: спортивные сообщества и их роль в политической жизни Дагестана // Общество как объект и субъект власти: Очерки политической антропологии Кавказа / Под ред. Ю.Ю. Карпова. —СПб.: Петербургское востоковедение, 2012. С. 91–110

⁵⁵ Колесник Н.В. «О спорт, ты мир»: о взаимодействии власти и спорта в российских регионах // Власть и элиты. — 2018. — № 5. С. 387–417.

В фокусе исследовательского интереса — как конструируются и воспроизводятся групповые интерпретации маскулинности в мужских молодежных сообществах Махачкалы. Акцент делается на групповом, интересубъектном измерении молодежной маскулинности, что отражает теоретические предпосылки о взаимосвязи маскулинности с гомосоциальностью и возрастающем значении групп сверстников в процессе перехода от детства к взрослости в условиях урбанизации и разложения традиционной семьи. Выбор Махачкалы как локации проведения исследования обусловлен тем, что этот город является ключевой ареной урбанизационных и модернизационных процессов в республике Дагестан.

4. Цель и задачи исследования;

Цель исследования заключается в том, чтобы выявить специфику функционирования групповых интерпретаций маскулинности в мужских молодежных сообществах Махачкалы. Поставленная цель определяет круг задач исследования:

Опираясь на существующую академическую литературу, выявить характеристики социально-экономической и политической ситуации в республике Дагестан, значимо влияющие на конфигурацию гендерного порядка и конструирование маскулинностей махачкалинской мужской молодежи.

Реконструировать содержание гегемонного идеала мужественности, выделив смысловые конструкторы и символические оппозиции, структурирующие дискурсивное пространство дагестанской молодежной маскулинности;

Определить репертуары гендерных практик, одобряемых жизненных карьер и культурных стратегий, обеспечивающих интерпретативную контекстуализацию гегемонных принципов в рамках рассматриваемых сообществ;

Описать структурные условия и механизмы поддержания групповых конструкторов молодежной маскулинности;

Выявить интерсекциональные пересечения групповых интерпретаций маскулинности с актуальными групповыми идентичностями, выделяемыми на основе культурного и социального бэкграунда информантов,

Проанализировать влияние характера гомосоциальных связей в сообществах на формирование мужских идентичностей.

Объектом исследования являются групповые конструкторы маскулинности в мужских молодежных сообществах, а предметом исследования — смыслы, составляющие

содержание этих конструктов. Эмпирическими объектами исследования являются участники мужских молодежных сообществ Махачкалы, образованные вокруг занятий вольной борьбой и дворового спорта (уличного воркаута). Они представляют самую массовую прослойку дагестанской молодежи, консервативное «моральное большинство», в котором существует консенсус относительно гендерной сегрегации и доминирования мужчин над женщинами. Фокус на молодежных маскулинностях важен, поскольку происходит активное конструирование мужских идентичностей при еще не сформированных диспозициях, которые обеспечивают осознанное согласие с гендерной судьбой, есть рефлексия насчет содержания гендерных конструктов и ролей.

5. Ограничения исследования

Основные ограничения исследования задаются качественной методологической парадигмой, предполагающей участие исследователя в изучаемых процессах и влияние его аксиологических и эпистемологических установок на результаты исследования, активную субъектность объекта исследования в определении и объяснении социальной реальности, субъект-субъектный характер отношений между исследователями и информантами. Цель качественного исследования заключается не в производстве истины как некоего соответствия объективному положению дел, а в исследовательской рефлексии жизненного мира изучаемых. Феминистская и постколониальная оптика гендерных исследований, обязывает исследователя рефлексировать собственную позицию в изучаемом поле, постулируя встроенность властных отношений в процессы производства и репрезентации знания. Применительно к моему исследованию это означает, что представленные репрезентации групповых конструктов маскулинности дагестанской молодежи не являются ни исчерпывающими, ни монополярными.

6. Теоретическими и методологическими основаниями исследования стали:

1) Концепция гегемонной маскулинности ⁵⁶⁵⁷⁵⁸, постулирующая иерархичность моделей маскулинности и существование в обществе гегемонного образца мужского поведения, легитимирующего господство над женщинами и подчиненными / маргинализированными группами мужчин, который возникает на пересечении культурного идеала и институциональной власти и конструируется на локальном, региональном и глобальном уровне.

⁵⁶ Connell, R. W. *Masculinities*. — Routledge, 2020.

⁵⁷ Connell R. W., Messerschmidt J. W. Hegemonic masculinity: Rethinking the concept // *Gender & society*. — 2005. — Vol. 19. — No. 6. — P. 829-859.

⁵⁸ Demetriou D. Z. Connell's concept of hegemonic masculinity: A critique // *Theory and society*. — 2001. — Vol. 30. — No. 3. — P. 337-361.

2) Работы раскрывающие функциональное значение гомосоциальности как группового, интересубъектного измерения маскулинности и социального механизма, обеспечивающего типизацию коллективно разделяемых смыслов мужской жизни, приведение к норме и исключение ненормативного поведения,⁵⁹⁶⁰⁶¹ а также выстраивание горизонтальных мужских солидарностей на основе эмоциональной и соматической близости, доверия и дружбы⁶²⁶³⁶⁴

3) Концепции культурного габитуса и культурного капитала Пьера Бурдье и их рецепция в академических исследованиях маскулинности и спорта.⁶⁵⁶⁶⁶⁷ Важным вкладом в адаптацию идей Бурдье к гендерным исследованиям является концепция мужского габитуса как комбинации телесных и ментальных диспозиций, которые являются "естественной" основой для различения мужчин и не-мужчин и, следовательно, социального воспроизводства гендерных различий.⁶⁸

4) Постсубкультурные концепции молодежи, оперирующие понятиями «солидарности», «жизненные стили», «культурные стратегии» и выделяющими значимость глобально-локального позиционирования в конструировании актуальных молодежных идентичностей.⁶⁹⁷⁰

7. Дизайн и методы исследования

Работа выполнена в качественной методологической парадигме с использованием исследовательской стратегии сравнения двух случаев. Первый кейс, рассматривающий

⁵⁹ Bird S. R. Welcome to the men's club: Homosociality and the maintenance of hegemonic masculinity // *Gender & society*. — 1996. — Vol. 10. — No. 2. — P. 120-132.

⁶⁰ Flood M. Men, sex, and homosociality: How bonds between men shape their sexual relations with women // *Men and masculinities*. — 2008. — Vol. 10. — No. 3. — P. 339-359.

⁶¹ Мещеркина, Е. Указ. соч.

⁶² Hammarén, N., & Johansson, T. Homosociality: In between power and intimacy // *Sage Open*. — 2014. — Vol. 4. — No. 1. <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/2158244013518057>

⁶³ Thurnell-Read T. What happens on tour: The premarital stag tour, homosocial bonding, and male friendship // *Men and Masculinities*. 2012. — Vol. 15. — No. 3. — P. 249-270.

⁶⁴ Омельченко Е. Л. Скинхед-идентичность в локальном контексте: гомосоциальность, интимность и тело бойца // *Этнографическое обозрение*. — 2014. — №. 1. — С. 61-76.

⁶⁵ Huppatz K., Goodwin S. Masculinised jobs, feminised jobs and men's 'gender capital' experiences: Understanding occupational segregation in Australia // *Journal of Sociology*. — 2013. — Vol. 49. — Vol. 2-3. — P. 291-308.

⁶⁶ Wacquant L. J. D. Pugs at work: Bodily capital and bodily labour among professional boxers // *Body & society*. — 1995. — Vol. 1. — No. 1. — P. 65-93.

⁶⁷ De Visser R. O., Smith J. A., McDonnell E. J. 'That's not masculine' Masculine Capital and Health-related Behaviour // *Journal of health psychology*. 2009. — Т. 14. — №. 7. — С. 1047-1058.

⁶⁸ Behnke K., Meuser M. Gender and Habitus. Fundamental Securities and Crisis Tendencies Among Men // *Gender in Interaction: Perspectives on Femininity and Masculinity in Ethnography in Discourse* / Ed. by B. Baron, H. Kotthoff. — Amsterdam: Benjamins, 2002. — P. 153-175.

⁶⁹ Глядя на Запад: Культурная глобализация и российские молодежные культуры / Х. Пилкингтон, Е. Омельченко, М. Флинн, У. Блюдина, Е. Старкова / Пер. С англ. О. Оберемко, У. Блюдиной. — СПб. : Алетей, 2004

⁷⁰ Омельченко Е. Л. Солидарности и культурные практики российской молодежи начала XXI века: теоретический контекст // *Социологические исследования*. 2013. №. 10. — С. 52-61.

практики и представления участников махачкалинского сообщества уличного воркаута, был реализован автором данного исследования в 2017-2020 гг. в ходе исследовательских экспедиций в Махачкалу в рамках проекта «Созидательные поля межэтнического взаимодействия и молодежные культурные сцены российских городов», реализованного Центром молодежных исследований Высшей школы экономики (грант Российского научного фонда № 15-18-00078) под руководством Е.Л. Омельченко. Весь эмпирический материал в рамках исследовательского кейса уличного воркаута собран автором данной работы при поддержке сотрудников ЦМИ Д.А. Омельченко, А.В. Майборода, Е.Онегиной. Результаты данного этапа представлены в публикациях:

Poliakov, S. Masculinity constructing among street workout youth in post-Soviet Dagestan // *Sport in Society*. — 2022. — Vol 25. — No. 2. — P. 353-368.

Омельченко Е. Л., Поляков С. И. Концепт культурной сцены как теоретическая перспектива и инструмент анализа городских молодежных сообществ // *Социологическое обозрение*. — 2017. — Т. 16. — № 2. — С. 111-132.

Поляков С. И. Молодежная сцена уличного воркаута, Махачкала // В кн.: *Молодежь в городе: культуры, сцены и солидарности* / Сост.: Е. Л. Омельченко; науч. ред.: Е. Л. Омельченко. М. : Издательский дом НИУ ВШЭ, 2020. Гл. 14. С. 400-420.

Poliakov S., Maiboroda A. Understanding the Gender Dimensions of Youth Cultural Scenes: A Youth Ethnography // *Youth in Putin's Russia* / Ed. by E. L. Omelchenko. — Palgrave Macmillan, 2021. — P. 91-136.

Омельченко Е. Л., Поляков С. И. Концепт культурной сцены как теоретическая перспектива и инструмент анализа городских молодежных сообществ // В кн.: *Молодежь в городе: культуры, сцены и солидарности* / Сост.: Е. Л. Омельченко; науч. ред.: Е. Л. Омельченко. М. : Издательский дом НИУ ВШЭ, 2020. Гл. 2. С. 92-109.

Второй кейс, эмпирическим объектом которого стали участники секций вольной борьбы в г. Махачкала, реализован в рамках индивидуального аспирантского проекта «Маскулинности молодежи Дагестана» (грант Российского фонда фундаментальных исследований № 19-311-90056). Автор этой работы совершил две экспедиции — в марте 2020 и июне 2021 года для сбора эмпирического материала. Результаты этого этапа нашли отражение в статье Поляков С. И. Борцовская маскулинность в Дагестане как локальная гегемония // *Социологические исследования*. — 2021. — №. 10. — С. 116-124.

В рамках обоих кейсов комбинировался метод полуструктурированного глубинного биографического интервью с невключенными наблюдениями и неструктурированными беседами. Гайд интервью включал в себя вопросы, которые позволяют реконструировать социальный бэкграунд и жизненную траекторию информантов, а также их представления об идеальной и нормативной маскулинности. Метод наблюдения использовался как для верификации тех сведений, которая была получена в коммуникации с информантами, так и для схватывания слабо рефлекслируемых и невербализованных аспектов социальной реальности. Общая эмпирическая база диссертационного исследования составила:

— 30 глубинных полуструктурированных биографических интервью с воспитанниками секций вольной борьбы, действующими и бывшими борцами вольного стиля в возрасте от 14 до 35 лет, а также тренерами по вольной борьбе в г. Махачкала.

— 29 глубинных полуструктурированных биографических интервью с подростками и молодыми мужчинами в возрасте от 14 до 25 лет — участниками сообщества уличного воркаута в г. Махачкала и его спутнике г. Каспийске.

— 68 часов наблюдений и неструктурированных бесед с действующими и бывшими уличными воркаутерами и борцами вольного стиля, их друзьями, родителями и родственниками.

Рекрутинг проводился в спортивных организациях (детско-юношеские спортивные школы, официальные и неофициальные секции борьбы) и местах групповых тренировок (стадионы, пляжи, школьные спортивные площадки), тематических сообществах в социальных сетях. Также использовались личные сети исследователя, сформированные в ходе многократных исследовательских экспедиций в Дагестан в 2015–2017 гг., и рекрутирование методом «снежного кома».

Для обработки и осмысления собранных данных использовалась комбинированная стратегия, совмещающего для производства теоретических суждений (теорий низкого уровня) о разделяемых участниками социальных интеракций смыслах. Анализ проводился в программе NVivo. Результаты сравнительного исследования обеих кейсов представлены в статье Poliakov S. Masculinity Constructing in Dagestani Male Youth Communities // *Europe-Asia Studies*. 2022 (*в печати*)

8. Научный вклад исследования в развитие предметного поля

В рамках исследования автором была собрана и проанализирована эмпирическая база, включающая 59 глубинных полуструктурированных биографических интервью с участниками махачкалинских молодежных сообществ и их социальным окружением и 68 часов наблюдений и неструктурированных бесед. По результатам исследования написано и опубликовано 5 статей в журналах, индексируемых в Q1 и Q2 библиометрических систем Scopus и WoS. Разработана теоретико-методологическая рамка для нюансированного описания процессов конструирования маскулинности с учетом комплексной этнической композиции и религиозной ситуации, колониального исторического бэкграунда, высокого конфликтного потенциала, характеризующих выбранный регион. Впервые предпринята попытка реконструкции маскулинности как системы смыслов и практик, организующей отношения власти и неравенства в Дагестане в конкретной региональной социально-экономической и этноконфессиональной ситуации, а также дано детальное описание коллективных конструкторов маскулинности двух групп молодых мужчин — борцов вольного стиля и уличных спортсменов. Впервые дано описание и проведена социологическая концептуализация сцены уличного воркаута как пост-спортивной практики и рассмотрена ее региональная и страновая специфика.

9. Основные результаты

Актуальный гендерный порядок в Дагестане формируется в контексте комплексной трансформации, которая ассоциируется с процессами деиндустриализации, урбанизации, глобализации и разрушения традиционной общины в постсоветский период. С одной стороны, можно наблюдать формирование широкого общественного «консервативного консенсуса» относительно доминирования мужчин над женщинами и гендерной сегрегации. С другой, концепция традиционного патриархата вступает в противоречие с формирующейся социально-экономической стратификацией, в которой модель маскулинности, связанная с профессионализмом и экономической состоятельностью оказывается недоступной для многих мужчин. Реализации этой модели препятствуют разбалансировка экономической системы, господство партикуляристских норм на рынке труда, приватизация каналов социальной мобильности локальными элитами.

Для основной массы городской мужской молодежи социально-экономическая прекарность усиливается возрастной динамикой — неопределенностью как социального статуса, так и позиции внутри гендерного порядка, а также отсутствием доступа к легитимным ресурсам конструирования маскулинности. В этих условиях актуализируются стратегии конструирования мужской идентичности, которые опираются а) на (сильную) телесность как базовую неотчуждаемую форму маскулинного капитала и

«естественное» основание мужского доминирования, б) на спорт как ключевое социальное милье и сцену формирования и репрезентации молодежных конструктов маскулинности.⁷¹

Маскулинность вольных борцов является главным претендентом на локальную гегемонию, воплощая культурный идеал настоящего мужчины, конструирующего свою субъектность в насильственном противостоянии с другими мужчинами. Базовым мужским капиталом для борцов служит «тело-как-оружие», которое создается через опыт насилия. Структурными основаниям гегемонии выступают массовость вольной борьбы, высокий престиж борцовской карьеры, институциональная близость борцовских сообществ к государству и их блок с религиозно-консервативным «большинством». Очевидна связь этой модели маскулинности с региональной политической культурой, которая характеризуется исключительной ролью силового фактора в политической и экономической жизни, что создает спрос на услуги квазипрофессиональных групп, ресурсом которых выступает реальное или потенциальное насилие. Кроме того, в условиях разложения традиционного общества в результате урбанизации борьба оказывается востребованной как институт правильной маскулинной социализации, обеспечивающий поддержание власти старших мужчин над младшими. Высокий статус подталкивает борцов к конструированию публичных маскулинных имиджей и максимальной репрезентации в публичном пространстве, тогда как пространство семьи и катексиса оказываются менее значимыми сферами самореализации.

Уличные воркаутеры поддерживают базовые принципы локальной гегемонной маскулинности, при этом дистанцируются от прямого физического насилия и агрессии в пользу более мирных форм артикуляции мужественности. В дискурсе уличного воркаута «сильное тело» концептуализируется как «здоровое тело», а сила раскрывается через владение и умелое манипулирование телом в индивидуальных перформансах. На уровне визуальных репрезентаций тело воркаутера далеко отстоит от тех образцов «тяжелой» борцовской телесности. Оно описывается как стройное, гибкое, легкое, эстетически привлекательное, что в целом соответствует канону фитнес-культуры. Вместе с тем, такое тело остается сильным, и маскулинный капитал, который аккумулируется в ходе тренировок, обладает ликвидностью в поле спортивных единоборств. Это вариант маскулинности соучастников, комфортной для подростков и молодых мужчин, которые не вписываются в жесткие рамки борцовской маскулинности: например, молодых людей,

⁷¹ Анализ социоэкономического и культурного контекста, представленный в тезисах 1 и 2, приводится во всех представленных к защите публикациях.

которые не могут заниматься силовыми видами спорта из-за травмы или инвалидности, или тех, кто связывает дальнейшую карьеру с получением образования и работой по специальности.

Конструкты молодежной маскулинности опираются на идеально-типические сценарии социальной мобильности. Применительно к борцовской маскулинности этот сценарий отражает опыт успешной конвертации символического капитала, накопленного в спорте, в политическое влияние и экономическую самодостаточность. В силу сложившейся в Дагестане конфигурации отношений между вольной борьбой и властью спортивные победы часто становятся трамплином для карьеры в политике, государственном управлении, бизнесе и силовых структурах. Статус чемпиона в Дагестане открывает двери к престижным сферам занятости, которые ассоциируются с властью и силовым доминированием: титулованных спортсменов избирают в депутаты, назначают на ответственные должности в государственном аппарате и региональных органах власти, приглашают на работу в полицию или ФСБ.⁷²

В рамках уличного воркаута молодые мужчины и подростки получают возможность совершать досуговую карьеру, которая обеспечивает им габитуальную уверенность и открывает доступ к идентичности профессионально состоявшегося мужчины в условиях дефицита экономических и культурных ресурсов. Действуют в неолиберальной логике индивидуальной «работы над собой», инвестируя время и усилия в свои тела с тем, чтобы превратить их в означающие силы, успеха и здоровья. Таким образом низкоресурсная молодежь, широко представленная в этой (пост)спортивной дисциплине, решает проблему собственной социальной маргинализации. В то же время можно говорить о мягкой ревизии оснований гендерного порядка, обусловленной возрастающим влиянием глобальной культуры, артикулирующей другой тип мужской гегемонии.⁷³

Групповые маскулинности конструируются в символической оппозиции к «Другому» — группам неконвенциональной молодежи, которые отказываются от нормативности в одежде и поведении.⁷⁴ Используя для обозначения «Другого» ярлык

⁷² Этот тезис раскрывается в публикации Поляков С. И. Борцовская маскулинность в Дагестане как локальная гегемония // Социологические исследования. — 2021. — №. 10. — С. 116-124.

⁷³ Этот тезис раскрывается в публикациях Poliakov, S. Masculinity constructing among street workout youth in post-Soviet Dagestan // Sport in Society. — 2022. — Vol 25. — No. 2. P. 353-368, Omelchenko E. L., Polyakov S., Maiboroda A. Peers/strangers/others? The youth of Dagestan in search of group identities // Cultural Studies. — 2019. — Vol. 33. — No. 5. — P. 841-865.

⁷⁴ Конструирование гендерной идентичности через символическое позиционирование и моральный суверенитет подробно анализируется в статье Poliakov, S. Masculinity Constructing in Dagestani Male Youth Communities // Europe-Asia Studies. — 2022 (в печати)

«неформалы», молодые мужчины подчеркивают историческую преемственность по отношению к культурным стратегиям «нормальной» молодежи, которые конфликтовали с субкультурой и продвинутой молодежью во времена перестройки и в первое десятилетие после распада СССР, и воспроизводят собственную дискурсивную «нормальность», манифестируя приверженность локальным нормам и практикам маскулинности. Дагестанский код маскулинности включает утрированную гетеронормативность, набожность, признание авторитета старших, следование нормам обычного права (адатам). Последовательными защитниками этих принципов выступают борцовские сообщества, для которых противостояние с «Другим» (как символическое, так и реальное) является стратегией конструирования своей гегемонной позиции через реализацию морального суверенитета — обязанности и способности поддержания морального порядка и коллективной репутации («чести») всего дагестанского общества. Известные борцы (и представители других единоборств) часто призывают бороться с проявлениями «разврата» и «порока», а также оказывают силовое воздействие на тех, кого считают носителями и пропагандистами аморального образа жизни и чуждых ценностей.

Маскулинность воркаутеров символически противопоставляется как неформальному «Другому», так и маргинализированному гипермаскулинному «Другому».⁷⁵ Если первая оппозиция позволяет маркировать участников сцены уличного воркаута как фракцию «нормальной» мужской молодежи, включенной в гегемонный консенсус, то вторую можно рассматривать как разновидность символической статусной мобильности через дистанцирование от маскулинных практик, которые ассоциируются с бедностью, необразованностью и социальным неблагополучием. Уличные спортсмены также принимают на себя часть обязательств по поддержанию морального порядка, культивируя так называемый «здоровый образ жизни», который помимо регулярных физических упражнений предполагает воздержание от стигматизируемых практик потребления алкоголя, табака и наркотиков.⁷⁶ Регулярные занятия позиционируются как педагогический и социально-филантропический проект, направленный на формирование у мужчин-подростков ответственного отношения к здоровью и нравственности. Это символическое позиционирование корреспондирует с теми коллективностями, частью которых видят себя воркаутеры. С одной стороны, они рассматривают себя как фракцию «нормальной» молодежи, разделяющей консервативный патриархальный консенсус. На локальном уровне воркаут позиционируется как целиком собранный из фоновых практик

⁷⁵ Этот тезис раскрывается в публикации Poliakov, S. Masculinity constructing among street workout youth in post-Soviet Dagestan // Sport in Society. — 2022. — Vol 25. — No. 2. — P. 353-368.

⁷⁶ Там же.

физического совершенствования, которые являются частью дагестанской культуры мужского дворового времяпрепровождения и социализации. С другой, они стремятся быть «своими» в транснациональной сети уличного воркаута, и соотносят свой опыт с опытом молодых уличных спортсменов из других регионов и стран.

Значение исламской религиозности в конструировании маскулинности раскрывается во множестве аспектов.⁷⁷ Во-первых, очевидным следствием альянса религии и спорта стала исламизация гегемонной модели и публичного имиджа дагестанского мужчины, которому помимо выдающихся физических данных стали вменяться в обязанность демонстративная набожность, посещение мечети и соблюдение мусульманского дресс-кода. Во-вторых, религия выполняет функцию идеологии, которая легитимирует доминирующую в обществе маскулинности, придавая ей характер гегемонии, тем самым снимая вопрос о природе и характере господства, достигнутого путем эффективной утилизации насилия. В-третьих, ислам является связующим звеном между гендерной и региональной (дагестанской) идентичностью, противостоящей как этническому партикуляризму внутри республики, так и русской идентичности, которая артикулируется через принадлежность к другой религиозной традиции (христианству) или светскость. Кроме того, будучи центральным вектором солидаризации «нормального» молодежи, религия сглаживает напряжение, порожденное гегемонной маскулинностью и способствует воспроизводству горизонтальной гомосоциальности — мужского «братства».

Существуют существенные различия в характеристиках гомосоциальных сред, обеспечивающих типизацию индивидуальных опытов и представлений о маскулинности, в зависимости от типа спортивной культуры.⁷⁸ Гомосоциальность борцовских компаний формируется в условиях, близких к тотальному институту, что способствует формированию социальной субстанции – мужского «братства», которое цементируется дисциплиной, стилем жизни, лояльностью друг другу и тренерам. Другим важным эффектом является беспрецедентная (в сравнении с другими сообществами) представлений о маскулинности, которая в значительной степени подпитывается схожестью индивидуальных опытов и установок. Борцы наиболее традиционалистски настроены в вопросе власти старших над младшими, что в частности проявляется в их

⁷⁷ Конструирование гендерной идентичности через символическое позиционирование и моральный суверенитет подробно анализируется в статье Sviatoslav Poliakov. *Masculinity Constructing in Dagestani Male Youth Communities // Europe-Asia Studies*. 2022 (*в печати*)

⁷⁸ Подробный анализ в статьях Poliakov S. *Masculinity Constructing in Dagestani Male Youth Communities // Europe-Asia Studies*. — 2022 (*в печати*) и Poliakov, S. *Masculinity constructing among street workout youth in post-Soviet Dagestan // Sport in Society*. — 2022. — Vol 25. — No. 2. — P. 353-368.

отношении к браку. Представленные в нарративах этой группы матримональные траектории (уже реализованные или предполагаемые) крайне стандартизированы: брак совершается по воле и выбору родителей по наступлении определенного возраста. Наиболее предпочтительными невестами считаются девушки из «своего» родового села. Уличный воркаут относится к так называемым пост-спортивным практикам⁷⁹, типичными чертами которых являются акцент на низовом участии, идеология, сочетающая индивидуализм, гедонизм, самореализацию, свободу, экстрим, широкая инклюзивность, отсутствие характерных для мейнстримного спорта соревновательности и агрессивности.

В рамках этой дисциплины возможна и допустима широкая вариативность стилей и сценариев маскулинности, соответствующих основным принципам гегемонного консенсуса. В сравнении с борцами уличные атлеты демонстрируют широкий диапазон матримональных установок — от «традиционалистских» до «модернистских».⁸⁰

Глобальная культура является источником обеспокоенности для молодых дагестанских мужчин по поводу стабильности идентичности, на которую в значительной степени влияет государственная пропаганда, сфокусированная на проблеме пропаганды гомосексуализма.⁸¹ В целом, мужская молодежь, укорененная в консервативном консенсусе, конструируют свою субъективность в оппозиции к западному ЛГБТ-толерантному «Другому». В то же время, можно увидеть, как низкресурсные группы молодежи адаптируют глобальные культурные тенденции для создания индивидуализированных мужских образов и сценариев с более высоким престижем в глобальном гендерном порядке. Так, для воркаутеров одним из возможных вариантов досуговой карьеры, которые определяют их состоятельность в качестве мужчин, является достижение успеха в рамках глобальной виртуальной сцены уличных видов спорта. Благодаря доступности средств создания и распространения фото- и видеоконтента они имеют возможность транслировать создаваемые на тренировочных площадках мужские образы на широкую аудиторию за пределами Дагестана и добиваться сетевой популярности.

10. Положения, выносимые на защиту

⁷⁹ Wheaton B. Introducing the consumption and representation of lifestyle sports //Sport in society. — 2010. — Vol. 13. — No.7-8. — P. 1057-1081.

⁸⁰ О стилиевой дифференциации маскулинности в сообществе уличного воркаута см. статья Poliakov, S. Masculinity constructing among street workout youth in post-Soviet Dagestan. // Sport in Society. — 2022. — Vol. 25. — No. 2. P. 353-368.

⁸¹ Подробно этот тезис изложен в статье Sviatoslav Poliakov. Masculinity Constructing in Dagestani Male Youth Communities // *Europe-Asia Studies*. — 2022 (в печати)

1. Значимыми для конструирования молодежных маскулинностей Махачкалы являются контексты урбанизации, деиндустриализации, экономической разбалансировки и реисламизации дагестанского общества, которые, с одной стороны, утверждают культурный консервативный консенсус относительно доминирования мужчин над женщинами и сегрегации полов, а с другой проблематизируют легитимные сценарии возрастной транзиции и проекты маскулинности, связанные с профессиональной карьерой и экономической успешностью. На эту динамику накладывается высокий уровень конфликтности, создающий спрос на мужские идентичности, основанные на выражении силы и насилия.
2. Локальная гегемонная маскулинность воплощает культурный идеал, сочетающий сильную телесность, которая служит естественным основанием для доминирования мужчин над женщинами и одних групп мужчин над другими, исламскую религиозность и моральный суверенитет, подразумевающий ответственность мужчин за поддержание морального порядка на территории Дагестана.
3. Принципы гегемонной маскулинности по-разному контекстуализируются в рамках рассматриваемых социальностей. Борцовская маскулинность, претендующая на наиболее полное воплощение гегемонного идеала, опирается на «тело-как»-оружие» в качестве базовой формы мужского капитала, идеальную жизненную карьеру, подразумевающую конвертацию спортивного успеха и признания в политическую власть и влияние. Борцы поддерживают моральный суверенитет в реальном и символическом противостоянии с культурным «неформальным» другим. Маскулинность уличных воркаутов больше соответствует соучаствующей модели. Это гендерная идентичность мужчин, которые поддерживают гегемонные принципы, однако не готовы нести издержки гегемонной модели. Она базируется на здоровой и ненасильственной телесности, субъективной мобильности в рамках досуговой или волонтерской карьере. Ответственность за моральный порядок реализуется ими в педагогическом проекте воспитания «подростающего поколения».
4. Модель борцовской маскулинности структурно поддерживается массовостью вольной борьбы, ее функциональным значением приоритетного института мужской социализации, в рамках которого конструирование маскулинности согласуется с подчинением власти старших, альянсом борцовских сообществ с политическими, силовыми и религиозными элитами. Маскулинность уличных воркаутов опирается на сетевую инфраструктуру автономных сообществ, реальных и виртуальных,

которые существуют по всему миру. Поэтому борцы строго ассоциируют себя с локальными социальными нормами и ценностями и противопоставляют себя глобальной западной культуре, в то время как уличные воркаутеры занимают буферную позицию, добиваясь признания на локальном уровне и в контексте глобальной пост-спортивной сцены, поддерживая символическую оппозицию с культурным «Другим, одновременно используя глобальную культуру как источник символических ресурсов для конструирования своих гендерных идентичностей.

5. С точки зрения интерсекциональности, значимым является пересечение маскулинности молодых мужчин с их исламской идентичностью. Религия обеспечивает идеологическую легитимацию локальной гегемонии и связывает маскулинность с региональной (дагестанской или северокавказской) принадлежностью. Мужская мусульманская идентичность символически противопоставляется и русской (российской) идентичности, и местному этническому партикуляризму.
6. Степень типизации межличностных конструктов маскулинности зависит от формы и характера гомосоциальных сообществ. Тотальный характер вольной борьбы ведет к формированию эксклюзивных квазисемейных иерархичных мужских «братств», в рамках которых наблюдается сильная гомогенизация смыслов и сценариев мужской жизни. Инклюзивный и добровольно-досуговый характер включения в практики уличного воркаута способствует формированию гомосоциальных сообществ с размытыми границами и ослабленной иерархичностью. В таких сообществах становится возможной диверсификация стилей и сценариев маскулинности.

11. Список публикаций автора диссертации, в которых отражены основные научные результаты диссертации

Представляемые к защите статьи

Omelchenko E. L., Polyakov S., Maiboroda A. Peers/strangers/others? The youth of Dagestan in search of group identities // *Cultural Studies*. — 2019. — Vol. 33. — No. 5. P. 841-865.

Поляков С. И. Борцовская маскулинность в Дагестане как локальная гегемония // *Социологические исследования*. — 2021. — №. 10. — С. 116-124.

Poliakov, S. Masculinity constructing among street workout youth in post-Soviet Dagestan. *Sport in Society*. — 2022. — Vol 25. — No. 2. — P. 353-368.

Poliakov. S. Masculinity Constructing in Dagestani Male Youth Communities // *Europe-Asia Studies*. — 2022 (в печати)

Другие публикации

Омельченко Е. Л., Поляков С. И. Концепт культурной сцены как теоретическая перспектива и инструмент анализа городских молодежных сообществ // *Социологическое обозрение*. — 2017. — Т. 16. — № 2. — С. 111-132.

Поляков С. И. Молодежная сцена уличного воркаута, Махачкала // В кн.: *Молодежь в городе: культуры, сцены и солидарности* / Сост.: Е. Л. Омельченко; науч. ред.: Е. Л. Омельченко. М. : Издательский дом НИУ ВШЭ, 2020. Гл. 14. — С. 400-420.

Poliakov S., Maiboroda A. Understanding the Gender Dimensions of Youth Cultural Scenes: A Youth Ethnography, in: *Youth in Putin's Russia* / Ed. by E. L. Omelchenko. — Palgrave Macmillan, 2021. — P. 91-136.

Омельченко Е. Л., Поляков С. И. Концепт культурной сцены как теоретическая перспектива и инструмент анализа городских молодежных сообществ // В кн.: *Молодежь в городе: культуры, сцены и солидарности* / Сост.: Е. Л. Омельченко; науч. ред.: Е. Л. Омельченко. — М. : Издательский дом НИУ ВШЭ, 2020. — Гл. 2. — С. 92-109.

Поляков С. И., Епанова Ю. В. Радикализация и неравенство в нарративах второго городского поколения мусульманской северокавказской молодежи // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. — 2020. — № 3. — С. 269-294.

12. Апробация результатов исследования

Статья «Борцовская маскулинность в Дагестане как локальная гегемония» победила в конкурсе на лучшую публикацию журнала «Социологические исследования» в номинации «Успешный дебют».

Конференции

Статье «Взрослым в современном обществе: исследования практик взросления и представлений о зрелости» (Санкт-Петербург, 30 декабря 2019). Доклад: «Статье взрослым в современном обществе: исследования практик взросления и представлений о зрелости»

XIX Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества (Москва, 10-13 апреля 2018). Доклад: Сопротивление социально-экономическому исключению в повседневных практиках воркаут-сцены Махачкалы»

XXI Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества (Москва, 12 апреля - 29 мая 2020). Доклад: Стили маскулинности дагестанской низкоресурсной молодежи: на примере сообщества уличного воркаута Махачкалы

Международная конференция «Городские молодежные культуры: солидарности, креативность, активизм» (Санкт-Петербург, 30 ноября — 1 декабря, 2017) Доклад: Resistance via practices:workout scene of Makhachkala in the social landscape of Dagestan